

Трансформация коммеморативных практик празднования Великой Победы в Курганской области: от 20-летия к 30-летию

Алексей Леонидович Авдеенко^{1, 2, 3}✉

¹ Курганская областная универсальная научная библиотека им. А. К. Югова, Курган, Россия

² Курганский государственный университет, Курган, Россия

³ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Контакт для переписки: avdeenkoalexey@yandex.ru✉

Аннотация. В статье исследуется трансформация празднования Дня Победы в Курганской области в 1965–1975 гг. — от локальных актов памяти к масштабному государственному ритуалу, пронизывающему все сферы общественной жизни. На основе архивных материалов и региональной прессы показано, как через школьные музеи, памятники, митинги, факельные шествия и медийные кампании формировался единый нарратив о войне, направленный на укрепление идейного единства общества. Особое внимание уделено роли молодежи, предприятий и местных сообществ в создании «живой» памяти, которая становилась частью повседневности. Исследование подчеркивает, как региональные практики отражали общесоюзную политику, превращая историю в инструмент воспитания, мобилизации и формирования коллективной идентичности.

Ключевые слова: День Победы, коммеморативные практики, политика памяти, историческая память, Юбилей Победы, мемориальная культуры, патриотическое воспитание, Курганская область

Цитирование: Авдеенко А. Л. 2025. Трансформация коммеморативных практик празднования Великой Победы в Курганской области: от 20-летия к 30-летию // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 11. № 4 (44). С. 97–112. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2025-11-4-97-112>

Поступила 21.09.2025; одобрена 05.11.2025; принята 10.12.2025

Transformation of commemorative practices in celebrating the Great Victory in Kurgan Oblast: From the 20th to the 30th anniversary

Aleksey L. Avdeenko^{1, 2, 3}✉

¹ Kurgan Regional Universal Scientific Library named after A. K. Yugov, Kurgan, Russia

² Kurgan State University, Kurgan, Russia

³ University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: avdeenkoalexey@yandex.ru ✉

Abstract. This article examines the transformation of Victory Day celebrations in Kurgan Oblast between 1965 and 1975 — from localized acts of remembrance to a large-scale state ritual permeating all spheres of public life. Drawing on archival materials and regional press sources, the study demonstrates how a unified narrative of the war was constructed through school museums, monuments, rallies, torchlight processions, and media campaigns, aimed at fostering social cohesion and legitimizing political authority. Particular attention is paid to the role of youth, industrial enterprises, and local communities in creating a “living” memory that became integrated into everyday life. The research highlights how regional commemorative practices reflected broader Soviet policy, transforming history into an instrument of education, mobilization, and collective identity formation.

Keywords: Victory Day, commemorative practices, memory politics, historical memory, Victory anniversary, memorial culture, patriotic education, Kurgan Oblast

Citation: Avdeenko, A. L. (2025). Transformation of commemorative practices in celebrating the Great Victory in Kurgan Oblast: From the 20th to the 30th anniversary. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 11(4), 97–112. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2025-11-4-97-112>

Received Sept. 21, 2025; Reviewed Nov. 5, 2025; Accepted Dec. 10, 2025

Введение

Сегодня День Победы — это «событие всемирно-исторического значения» [Чернова, 2005, с. 133–149], которое является важнейшим элементом как в части формирования национальной идентичности и патриотического воспитания, так и основным компонентом исторической памяти нашей страны. Однако за этим официальным определением скрывается сложный процесс конструирования коллективного прошлого, в котором

память о войне становится не просто отражением исторических фактов, а мощным инструментом политики, идеологии и социальной инженерии.

В Советском Союзе Победа стала основополагающим мифом, который замещает собой другие возможные точки опоры — Революцию, индустриализацию, даже личность Сталина. К 1965 г., после периода десталинизации, стране нужен был новый символ легитимности — и таким символом стала Победа. Именно поэтому ее празднование приобретает такой масштаб и такую эмоциональную насыщенность, ведь как известно в условиях кризиса идеологических ориентиров государство обращается к прошлому не для его изучения, а для его использования. Победа, представленная в официальных материалах преимущественно через обобщенный образ «народа-победителя» становилась нейтрализованным символом, удобным для консолидации общества. Как показывают материалы обкома, этот нарратив использовался для легитимации советской власти в период после десталинизации, когда прежние символы (революция, индустриализация, культ личности) утратили свою силу. Например, в планах празднования 1965 г., в направляемых методических рекомендациях по празднованию 20-го и 30-го юбилея акцент делался исключительно на «героизме советского народа», без упоминания роли отдельных командиров или партийных решений¹.

С 1965 г. праздник День Победы становится официально нерабочим днем. Его празднование приобретает общегосударственный характер со всей серьезностью: от принятия соответствующих постановлений Центрального Комитета (ЦК) о праздновании дня до открытия боевых комнат на базе образовательных организаций, где особо «крупно» отмечаются юбилейные даты (10-летия). Это не просто административное решение — это переход к новой парадигме управления общественным сознанием через ритуал.

Этот переход — от «обычного» праздника к государственному ритуалу — знаменует собой начало процесса, который Эрик Хобсбаум называл «изобретением традиций» [Hobsbawm, 2007, с. 270]. То, что раньше было спонтанным или локальным актом памяти (например, встречи ветеранов в клубах, возложение цветов к братским могилам), теперь становится институционализированным, канонизированным, обязательным. Причем важно, что это происходит не сверху насильно, а через вовлечение самых разных слоев общества — школьников, студентов, учителей, рабочих, пенсионеров.

Особо интересен этот период тем, что в области коммеморативных практик происходят существенные изменения. Изучение эволюции коммеморативных практик позволяет понять, как общество сохраняет и передает историческую память о ключевых событиях, на примере празднования победы в Великой Отечественной войне. Анализ этих практик в Курганской области особенно ценен, потому что он позволяет увидеть, как государственная политика реализуется на местах — с учетом специфики региона, но в рамках единой идеологической матрицы.

¹ Государственное казенное учреждение «Государственный архив социально-политической истории Курганской области» (г. Курган). Ф. 166. Оп. 293. Д. 288. Л. 12–15.

Цель настоящей работы — проанализировать изменения в формах и содержании празднования годовщин Победы в Курганской области в 1965–1975 гг.: выявить ключевые тенденции и факторы, влияющие на эти изменения, изучить организацию и проведение мероприятий к 20-летию и 30-летию Великой Победы, сравнить масштабы, формы и идеологическую направленность практик, оценить роль различных организаций и институтов в их реализации. Но за этим стоит более глубокая задача — показать, как память становится инструментом власти, как она формирует не только представление о прошлом, но и модели поведения в настоящем, как через ритуалы и символы создается коллективная память, которая связывает поколения и обеспечивает стабильность системы.

Историография

Проблематика коммеморативных практик занимает важное место в современной гуманитарной науке, объединяя исследования в области истории, социологии, антропологии, культурологии, политологии и др. Отчего, на сегодняшний день сложилось достаточно много подходов к изучению механизмов и трансляции исторической памяти, как через материальные, так и нематериальные формы.

Теоретическую основу настоящего исследования составила концепция основоположника *memory studies* М. Хальбвакса, которая была изложена в работе «Социальные рамки памяти» (1925). Он ввел в научный оборот понятие «коллективная память», которая формируется в обществе под влиянием господствующей политической элиты подчеркивая, что нет индивидуальной памяти вне коллективных рамок [Хальбвакс, 2005]. Это является ключевым в понимании того, как партийно-государственные институты в Курганской области интегрируя индивидуальные воспоминания ветеранов создавали коллективный идеологический нарратив, где не было акцента на личности.

Другой концепцией, которая является ключевой, при рассмотрении коммеморативных практик, является «места памяти» (*lieux de mémoire*), введенное французским историком Пьером Нора в труде «Франция — память». Под ним он подразумевал исследование различных предметов и объектов, способных контролировать присутствие прошлого в настоящем ради сохранения памяти [Нора, 1999, с. 25]. А их изучение строится на пересечение двух течений: их роль и смысл. В рамках концепции рассматриваются не только традиционные памятники (такие как военные мемориалы, мемориальные доски), но и обычаи, ритуалы поминовения, музеи, мемуарная литература, письма и дневники участников событий, праздники и многое другое. Она позволяет рассматривать массовое создание памятников, музеев боевой славы и даже переименованных улиц в Курганской области не как разрозненные факты, а как элементы целенаправленного формирования мемориального ландшафта, призванного сделать прошлое зримым и управляемым в повседневной жизни регионального сообщества.

И, конечно же, использовалась концепцию Эрика Хобсбаума «изобретения традиции», суть которой в установлении «новых праздников и общественных церемоний»,

поиска «новых героев и символов», массового возведения памятников [Hobsbawm, 2007, с. 270]. В рамках концепции Хобсбаум показал, как в XIX–XX вв. государства активно конструировали «древние» традиции для укрепления своей легитимности и сплочения нации. Применимо к Курганской области это дает объяснение стремительной трансформации празднования Дня Победы в Курганской области от локальных инициатив к масштабному государственному ритуалу. Внедрение новых практик, направленных в первую очередь на молодежь, наглядно демонстрирует, как новые традиции целенаправленно конструировались и наделялись аурой исторической преемственности для укрепления социальной сплоченности и идейного единства советского общества.

В отечественной историографии проблематика коммеморативных практик разработана достаточно широко, однако региональный аспект, в частности по Курганской области, остается практически не изученным. Работы, подобные исследованию Н. Б. Лебиной «Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы» (1999) [Лебина, 1999], задают общий контекст понимания того, как советская власть через ритуалы и праздники формировала новую идентичность. Однако механизмы этого процесса на уровне отдельно взятого региона требуют специального рассмотрения.

Попытка Т. В. Козельчук и Е. В. Тершуковой [Козельчук, Тершукова, 2012, с. 106–107] охарактеризовать мемориальные сооружения Зауралья носит, к сожалению, описательный характер и не ставит задачи анализа их функционирования как социальных институтов памяти. Таким образом, научная лакуна, которую призвана заполнить настоящая статья, заключается в отсутствии работ, которые применяли бы развитый теоретический аппарат исследований памяти к комплексному анализу коммеморативных практик в Курганской области в ключевой период их становления (1965–1975 гг.).

Исследования, посвященные историческим юбилеям и праздникам ([Избушева, 2015, с. 24–25; Дмитриева, 2020, с. 280–291; Вейнмейстер, 2020, с. 93–106; Антипин, 2012, с. 79–93; Архипова, 2017, с. 84–122; Алексеев, 2017; Карпенко, 2020, с. 240–254] и другие), убедительно доказывают, что коммеморация является мощным инструментом политики идентичности. Настоящее исследование развивает этот тезис применительно к региональному материалу, показывая, как общесоюзные установки адаптировались в специфических условиях типичного Уральского города, не являвшегося театром военных действий, но внесшего свой вклад в Победу.

Эмпирическую основу данного исследования составил комплекс неопубликованных и опубликованных источников: архивные материалы (Государственного архива Курганской области (ГАКО) и Государственного архива социально-политической истории Курганской области (ГАСПИКО)); периодическая печать («Советское Зауралье», «Молодой ленинец»); визуальные и вещественные источники (каталоги мемориальных сооружений, фотодокументы); краеведческие издания.

Результаты исследования

Память о Великой Отечественной войне занимает центральное место в советской и постсоветской культуре, формируя не только историческое сознание, но и гражданскую идентичность. В советский период юбилеи Победы становились не только актом исторической памяти, но и важнейшим инструментом идеологической мобилизации, патриотического воспитания и формирования региональной идентичности. На примере Курганской области можно проследить, как трансформировались коммеморативные практики в период между 20-й (1965) и 30-й (1975) годовщинами Великой Победы, как менялись формы, содержание и социальные смыслы празднования, а также как эти изменения отражали общесоюзные тенденции и специфику регионального опыта.

Сразу обозначим, что под понятием «коммеморативная практика» мы понимаем «целенаправленную актуализацию наиболее значимых для данного сообщества событий» [Дмитриева, 2020, с. 280], т. е. не просто напоминание, а ритуальное воспроизводство, в котором участвуют институты, символы, пространства.

Празднование 20-летия Победы в Великой Отечественной войне в Курганской области (1965 г.)

Празднование 20-летия Победы в 1965 г. стало первым для Курганской области масштабным и по-настоящему всенародным событием, охватившим все сферы жизни региона. Подготовка к юбилею велась под строгим контролем партийных органов: уже в начале года были созданы областная и районные комиссии, в состав которых вошли представители партийных, советских, профсоюзных и общественных организаций. Каждая комиссия разрабатывала подробные планы мероприятий, которые утверждались на бюро райкомов и горкомов коммунистической партии Советского Союза (КПСС) и рассылались во все первичные партийные организации, на предприятия, в учреждения, колхозы и совхозы¹.

Проводимая работа — классический пример того, как «традиция» изобретается сверху, но принимается снизу. Партийные структуры задают рамки, но реализация происходит через активное участие населения — учителей, школьников, рабочих. Анализ планов обкома КПСС и отчетов районных комиссий показывает, что, несмотря на заявляемую «народность» празднования, его содержание и формы строго регламентировались сверху. При этом активное участие населения — школьников, рабочих, пенсионеров — в реализации мероприятий (например, создании памятников силами местных энтузиастов, сборе материалов для школьных музеев) создавало у участников чувство личной сопричастности. Такая модель, сочетающая централизованное планирование с локальной инициативой, способствовала высокой степени вовлеченности: к 1965 г. в области было создано более 600 комнат боевой славы, а к 1975 — почти 50 только в Кургане [Подливалов, 2003, с. 248]. Это позволяет говорить о функциональной эффективности модели, основанной на вовлечении, а не на принуждении.

¹ ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 285. Д. 319. Л. 6.

В каждом населенном пункте, на каждом предприятии, в каждой школе и учреждении культуры проводились торжественные собрания, митинги, встречи с ветеранами войны и труда, лекции, беседы, читательские конференции, выставки, кинофестивали военно-патриотических фильмов. Например, в Шумихинском районе только за период подготовки к юбилею было проведено 475 докладов и бесед о подвиге советского народа, 96 торжественных собраний и встреч с участниками войны, а в Варгашином районе — 305 бесед и 98 лекцийⁱ. В Притобольном районе за период подготовки к 20-летию Победы было прочитано 126 лекций и докладовⁱⁱ.

Особое внимание уделялось работе с молодежью. В школах организовывались пионерские сборы, конкурсы сочинений, встречи с ветеранами, оформлялись уголки и комнаты боевой славы, создавались альбомы памяти. В Шумихинском районе во всех средних и восьмилетних школах были оборудованы комнаты или уголки боевой славы, где размещались фотографии, воспоминания фронтовиков, списки погибших и вернувшихся с войныⁱⁱⁱ. Здесь мы видим формирование «коммуникативной памяти» — памяти, передаваемой через живое общение, рассказы, личные контакты. Но эта память сразу же переводится в «культурную»: фотографии фиксируются, списки систематизируются, уголки оформляются — то есть память становится зримой, материальной, управляемой.

В Лебяжьевском районе пионеры и школьники выявили всех участников войны и погибших, изготовили красные звезды с именами павших, которые в ночь с 8 на 9 мая были прикреплены к домам, где проживали ветераны и семьи погибших (такая практика была реализована во всех районах области)^{iv}, что переводило дома с красной звездой в «места памяти» конкретного населенного пункта. Через такой ритуал память встраивается в бытовое пространство, становится частью повседневности.

Значимым элементом празднования стало увековечивание памяти павших. В каждом районе приводились в порядок памятники, братские могилы, устанавливались новые обелиски, закладывались парки и аллеи Победы, переименовывались улицы и учреждения в честь героев войны. Так, в Варгашином районе силами общественности были построены четыре новых обелиска, открыт обелиск Герою Советского Союза Н. И. Радионову на территории школы-интерната (первый памятник на территории области Герою Советского Союза), а также переименованы улицы в честь героев: улица Сенная стала улицей имени Радионова, а Водонасосная — улицей Героев^v. Переименовываемые улицы на связанные с Победой, пространство отдельно взятого населенного пункта начинало «говорить» на языке памяти, формируя у каждого жителя чувство принадлежности к героическому прошлому.

ⁱ ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 285. Д. 319. Л. 8, 10.

ⁱⁱ ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 285. Д. 319. Л. 17–18.

ⁱⁱⁱ ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 285. Д. 319. Л. 11.

^{iv} ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 285. Д. 319. Л. 15.

^v ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 285. Д. 319. Л. 8–9.

В Притобольном районе к 20-летию Победы разбили четыре сквера и две рощи, привели в порядок шесть братских могилⁱ. В Катайском районе была заложена аллея Победы, открыт памятник-obelisk в сквере «Орленок», а в 16 селах района установлены памятники-obeliskiⁱⁱ. В Макушинском районе были приведены в порядок 8 братских могил, заложены аллеи Победы на центральной усадьбе Басковского птицевосхоза, в колхозе «Победа», в селе Суслово, колхозе «Прогресс», колхозе имени Куйбышеваⁱⁱⁱ.

Широкий размах празднования подтверждает и краеведческая литература, где по данным к 20-летию Победы в Курганской области было создано более 600 комнат и уголков боевой славы, а также приведено в порядок 120 памятников погибшим воинам и obeliskов [Подливалов, 2003, с. 248]. Это создание сети «мест памяти», охватывающей всю территорию области, потому что места памяти множатся тогда, когда живая память слабеет [Нора, 1999, с. 40].

Реестр мемориальных сооружений Курганской области подтверждает, что к 1965 г. в каждом районе были установлены десятки памятников и obeliskов^{iv}.

Всего, за период подготовки к празднованию 20-летия со дня победы в Великой Отечественной войне на территории Курганской области по данным Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) было установлено 330 памятников, из 598 от общего числа [Авдеенко, 2025, с. 4].

Что касается внешнего вида, то все эти памятники были «шаблонны»: всегда присутствует постамент и стела, неотъемлемой частью являются плиты или доски, на которых высечены имена погибших в годы войны. Сделаны они, как правило, были из «доступных и дешевых материалов» [Колчина, 2018, с. 102]. Эта стандартизация — не признак бедности или неуважительного отношения к защитникам Родины, а признак идеологического контроля. Obelisk в любом селе — это не уникальный объект, а элемент единой системы, визуально воспроизводящей единый нарратив Победы.

Здесь также стоит обратить на такую важную особенность 20-летнего юбилея как активное участие местных жителей, школьников, учителей, работников культуры в создании памятников и мемориальных объектов. Так, в селе Утятское памятник воинам-освободителям был создан руками местного цветовода и самодеятельного скульптора С. Иванова, а также В. Ушакова^v. Этот важный момент — участие «снизу», создает чувство сопричастности, делает память «своей». Но при этом инициатива, форма, символика — всё контролируется сверху. Такая модель организации памяти, при которой государство задавало рамки (тематику, символику, сроки), а население реализовывало их на местах (через создание экспозиций, памятников, участие в шествиях), позволяла

ⁱ ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 285. Д. 319. Л. 17–18.

ⁱⁱ ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 285. Д. 319. Л. 48–49.

ⁱⁱⁱ ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 285. Д. 319. Л. 47.

^{iv} Реестр мемориальных сооружений Курганской области // Научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры Курганской области. <https://nrc45.ru/> (дата обращения: 18.11.2025).

^v Бунин О. Цветовод и... скульптор // Советское Зауралье. Курган, 1965. 3 июня. № 129. С. 4.

добиваться высокой степени вовлеченности. Архивные отчеты фиксируют широкое участие школ, предприятий и общественных организаций: например, в Лебяжьевском районе пионеры самостоятельно собирали имена погибших и оформляли красные звезды, прикрепляемые к домам ветерановⁱ. Это создавало у участников ощущение личной причастности к празднику, хотя содержание мероприятий оставалось строго регламентированным.

Любое празднование сопровождалось массовыми культурными и спортивными мероприятиями: концертами художественной самодеятельности, театрализованными представлениями, спортивными соревнованиями, эстафетами, туристическими походами. Так, в Лебяжьем 9 мая на центральной площади поселка прошел трехчасовой концерт, после которого состоялись танцы и спортивные соревнования по футболуⁱⁱ.

Важную роль в формировании образа праздника и в распространении информации о героических судьбах земляков играла областная и районная пресса. Газета «Советское Зауралье» регулярно публиковала очерки о героях-земляках, погибших на фронтах, рассказывала о поисковой работе школьников и пионеров, о переименовании улиц и открытии памятников. Так, в номере от 16 сентября 1965 г. был опубликован очерк «Там, где погиб Герой» о Георгии Филипповиче Барыкине, чьим именем названа улица белорусского города Червень, а также рассказ о том, как благодаря юным следопытам из Мокроусово были установлены обстоятельства гибели Володи Долгих. Газета не только информировала, но и инициировала обратную связь: после публикации очерка в редакцию пришло письмо от сестры Героя, что стало поводом для новых встреч и обмена опытом между школьниками Курганской области и Белоруссииⁱⁱⁱ. Подобные случаи нужны были для «связывания» регионов, поколений, личных и коллективных историй, тем самым превращая их в «государственный нарратив».

Празднование 30-летия Победы в Великой Отечественной войне в Курганской области (1975 г.)

Празднование 30-летия Победы в 1975 г. стало кульминацией развития советских коммеморативных практик в Курганской области. Оно отличалось не только масштабом, но и глубиной вовлечения всех слоев общества, разнообразием форм и особой идеологической насыщенностью. Подготовка к юбилею, как и в случае 20-летия, началась задолго до памятной даты: уже в декабре 1974 г. во всех районах и городах были созданы юбилейные комиссии, утверждены планы мероприятий^{iv}, а контроль за их выполнением осуществлялся на всех уровнях — от обкома до первичных организаций^v.

ⁱ ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 285. Д. 319. Л. 15.

ⁱⁱ ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 285. Д. 319. Л. 14.

ⁱⁱⁱ Еловских В. Там, где погиб Герой // Советское Зауралье. Курган, 1965. 16 сент. № 219. С. 4.

^{iv} Государственное казенное учреждение «Государственный архив Курганской области» (г. Курган). Ф. Р-465. Оп. 7. Д. 119. Л. 22–23.

^v ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 314. Д. 191. Л. 9; Д. 280. Л. 2–3.

Но если в 1965 г. акцент был на «восстановлении» памяти, то в 1975 г. — на ее «институционализации». Победа уже не нуждалась в доказательствах — она стала догмой. И задача празднования — не напомнить о войне, а закрепить ее как основу советской идентичности. К середине 1970-х гг. память о войне окончательно превращается в государственный культ. Как показывают материалы обкома, Победа перестала восприниматься исключительно как историческое событие и стала ключевым элементом партийно-воспитательной работы, служившим для мобилизации общества и укрепления единства вокруг целей социалистического строительства: через связь «подвига прошлого» с «трудовыми достижениями настоящего», через обязательное участие всех учреждений, массовое возведение монументов и постоянное медийное сопровождение. Например, в Кургане к юбилею 1975 г. была объявлена 90-дневная ударная трудовая вахта, напрямую увязанная с празднованием Победыⁱ.

Вся работа по подготовке и проведению 30-летия Победы была подчинена задаче мобилизации трудящихся на выполнение и перевыполнение планов завершающего года пятилетки, достойной встрече XXV Съезда КПСС и укреплению патриотического воспитания. Этот ключевой момент интересен тем, что память о прошлом используется для решения задач настоящего. Война становится не темой для рефлексии, а ресурсом для мобилизации, т. к. в советской системе память всегда была функциональной — она должна была работать «здесь и сейчас». В каждом районе, городе, на каждом предприятии и в учебном заведении создавались праздничные комиссии, разрабатывались собственные планы мероприятий, осуществлялся строгий контроль за их выполнением. В Кургане, например, был реализован подробный план, включавший 90-дневную ударную трудовую вахту, массовое участие трудовых коллективов в социалистическом соревновании, а также проведение месячника «Боевой славы» и целого комплекса военно-патриотических мероприятийⁱⁱ.

Праздничные мероприятия охватили все сферы жизни региона. В каждом районе и городе проходили торжественные собрания, митинги, встречи с ветеранами войны и труда, слеты призывников, уроки мужества, тематические вечера, театрализованные представления, массовые спортивные соревнования, спартакиады, смотры художественной самодеятельности, факельные шествия, парады, народные гуляния. Так, в Кургане прошли церемонии перезахоронения воинов, умерших от ран в госпиталях, массовые факельные шествия молодежи и праздника песни в Центральном парке культуры и отдыхаⁱⁱⁱ.

Особое внимание уделялось увековечению памяти павших. Если в 1965 г. памятники создавались как «места скорби», то к 1975 г. они становятся «местами славы». Появляются монументальные комплексы, бюсты, скульптуры — память становится зрелищной, парадной. В каждом районе приводились в порядок памятники, братские могилы, устанавливались новые обелиски (либо заменялись пришедшие в негодность),

ⁱ ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 314. Д. 191. Л. 236.

ⁱⁱ ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 314. Д. 191. Л. 236–237.

ⁱⁱⁱ ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 314. Д. 191. Л. 236–238, 307–308.

закладывались аллеи и парки Победы, улицы и учреждения переименовывались в честь героев войны. К 1975 г. в Кургане насчитывалось 105 памятных мест, из них 44 памятника и мемориала, 61 мемориальная доска, а только к юбилею было открыто 6 новых памятников и мемориалов, в том числе мемориальный уголок у завода «Кургансельмаш»ⁱ. Прошла церемония перезахоронения воинов, умерших от ран в госпиталях, открытие памятника Д. М. Карбышеву в Рябково, городского митинга на площади имени Ленина, открытия мемориала воинам-курганцам, погибшим на фронтах войныⁱⁱ. В Шадринске прошло ряд торжественных открытий мемориальных ансамблей и памятников [Колчина, 2018, с. 73, 78, 79, 81, 82, 85, 86, 88, 91].

Всё это отчетливо соответствует общей тенденции «брежневской эпохи» — переходу от аскетизма к представительству, от скромности к монументальности.

В районах также отмечалось массовое строительство и реставрация памятников: например, в Частоозерском районе к 30-летию Победы было открыто 18 новых памятников, в Каргапольском районе — монументальный памятник землякам, погибшим в годы войны, а в Притобольном районе — 6 новых памятников и заложены скверы и аллеиⁱⁱⁱ.

Реестр мемориальных сооружений Курганской области подтверждает, что к 1975 г. в каждом районе были установлены десятки новых памятников, мемориальных ансамблей, стел, бюстов, скульптур и мемориальных досок во всех районах области^{iv}.

Важной частью празднования стало массовое создание и обновление комнат и музеев боевой и трудовой славы, которые рассматриваются не просто как хранилища экспонатов, а «сакральные пространства», где школьники, студенты, рабочие проходят «обряд посвящения» в наследники Победы.

В Кургане к 30-летию Победы работало 49 таких объектов, из них 10 были открыты специально к юбилею на заводах, в институтах, школах и училищах^v. В районах также отмечалось открытие новых музеев и комнат боевой и трудовой славы: в Лебяжьеvском районе — 9, в том числе 4 новых; в Кетовском районе — 5 музеев и 20 комнат боевой и трудовой славы; в Целинном районе — 24 комнаты, из них 15 новых^{vi}.

Празднование сопровождалось масштабной культурной и спортивной программой. В Кургане и районах прошли смотры художественной самодеятельности, конкурсы-выставки, фестивали, массовые спортивные соревнования, декады «Готов к защите Родины». В Лебяжьеvском районе 8 мая состоялось факельное шествие молодежи, а 9 мая — праздничные митинги и шествия, вручение цветов и сувениров ветеранам, массовые

ⁱ ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 314. Д. 191. Л. 308.

ⁱⁱ ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 314. Д. 191. Л. 236–238, 307–308.

ⁱⁱⁱ ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 314. Д. 191. Л. 86, 75–77, 176–177.

^{iv} Реестр мемориальных сооружений Курганской области // Научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры Курганской области. <https://nrc45.ru/> (дата обращения: 18.11.2025).

^v ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 314. Д. 191. Л. 308.

^{vi} ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 314. Д. 191. Л. 49, 57, 81.

концерты и спортивные состязанияⁱ. В Притобольном районе была проведена зимняя спартакиада поколений, смотр художественной самодеятельности, конкурс на лучшую картину о героическом подвиге советского народаⁱⁱ.

Важнейшую роль играло медийное сопровождение. К 1975 г. память о войне полностью овладела медиапространством. В районных и областных газетах, на радио и телевидении регулярно публиковались очерки, воспоминания, рассказы о героях, материалы о трудовых достижениях, проводились конкурсы на лучшее произведение о войне. Только за пять месяцев 1975 г. в Кургане членами общества «Знание» было прочитано 1 023 лекции на военно-патриотическую тематику, проведено 472 теоретических и научно-практических конференции, а в кинотеатрах города прошло 156 мероприятий, посвященных 30-летию Победы, которые посетили более 62 тысяч зрителейⁱⁱⁱ. На областном радио и телевидении работали постоянные рубрики «К 30-летию Великой Победы», «Никто не забыт, ничто не забыто», «Боевая слава отцов», «Салют, Победа!» а также проводились конкурсы художественной самодеятельности и прямые трансляции с торжественных собраний и митингов^{iv}.

Трансформация коммеморативных практик: сходства и различия

Сравнение празднования 20-й и 30-й годовщин Победы в Курганской области позволяет выявить как устойчивые элементы, так и новые черты, появившиеся за десятилетие. В обоих случаях подготовка велась под руководством обкома КПСС, создавались областные и районные комиссии, разрабатывались подробные планы, которые утверждались на бюро и рассылались во все первичные организации, на предприятия, в учреждения, колхозы и совхозы^v, что является постоянным элементом системы: централизованное управление памятью.

По-прежнему, как мы можем видеть, прослеживается активное участие предприятий, школ, творческих коллективов, местных жителей в создании памятников и мемориальных объектов.

Однако к 1975 г. произошли существенные изменения, свидетельствующие о качественном усложнении и расширении коммеморативных практик. Появились новые массовые формы: фестивали, факельные шествия, агитпоезда, что говорит о переходе от «памяти-напоминания» к «памяти-переживания». Память становится не просто знанием, а эмоцией, действием, телесным опытом.

Важным отличием стало усиление социальной направленности праздника: от заботы о ветеранах, до создания образа «государства-благодетеля», которое помнит своих героев.

ⁱ ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 314. Д. 191. Л. 58.

ⁱⁱ ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 314. Д. 191. Л. 170.

ⁱⁱⁱ ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 314. Д. 191. Л. 307–308.

^{iv} ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 314. Д. 191. Л. 148–149.

^v ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 285. Д. 319. Л. 6; Оп. 314. Д. 191. Л. 9.

Существенно возросла роль медийного сопровождения. Медиа становятся главным каналом трансляции памяти, создавая единое информационное пространство, где нет места альтернативным интерпретациям.

Заметно расширился спектр материальных форм памяти. Памятники становятся монументальнее, музеи — многочисленнее, ритуалы — зрелищнее, советское общество — более вовлеченное, что в совокупности говорит о создании «среды памяти», в которой человек постоянно взаимодействует с прошлым.

Вовлечение молодежи также приобрело новые черты. Молодежь не просто слушает ветеранов — она участвует в ритуалах, соревнуется, фотографируется у Знамени Победы и многое другое. Что свидетельствует не о пассивном восприятии, а активном включении в «тело памяти».

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд конкретных выводов о трансформации коммеморативных практик празднования Дня Победы в Курганской области в 1965–1975 гг.

Во-первых, сравнительный анализ двух юбилеев выявил качественную эволюцию от восстановления и локального закрепления памяти к ее полномасштабной институционализации и ритуализации. Если в 1965 г. усилия были сосредоточены на базовом увековечении — массовой установке типовых обелисков (более 300 единиц), создании сети школьных музеев и организации первых централизованных митингов, то к 1975 г. сформировалась комплексная система, пронизывающая все сферы общественной жизни. Она включала монументальные мемориальные ансамбли, масштабные факельные шествия, целенаправленное медийное сопровождение и увязку праздника с хозяйственными задачами («трудовые вахты»).

Во-вторых, на материалах Курганской области подтверждается и конкретизируется тезис об «изобретении традиции» (Э. Хобсбаум) и о коллективной памяти, которая формируется при непосредственном участии господствующей политической элиты (М. Хальбваск). Региональные практики не были слепым копированием общесоюзных директив, а представляли собой их активную адаптацию. Это проявлялось в использовании местных героев для наименования улиц (ул. Радионова в Варгашином районе), в привлечении местных скульпторов и в трудовом участии жителей в создании памятников. Эта «локализация» создавала эффект сопричастности и делала официальный нарратив органичной частью региональной идентичности.

В-третьих, исследование показало, как через коммеморативные практики формировался и транслировался единый идеологический нарратив. Анализ архивных документов и региональной прессы демонстрирует последовательное вытеснение сложных и трагических аспектов войны и замещение их героико-патриотическим каноном, ориентированным на задачи настоящего. Ярким примером служит эволюция функций музеев боевой славы: от фиксации живой памяти ветеранов в 1965 г. к их превращению в 1975 г.

в «места памяти» (П. Нора), в «сакральные пространства» для проведения ритуалов инициации (прием в пионеры, комсомол).

В-четвертых, была выявлена ключевая роль различных социальных институтов в этом процессе. Партийные органы осуществляли общее руководство и контроль, предприятия и колхозы — ресурсное и организационное обеспечение, система образования и СМИ — непосредственное внедрение и тиражирование заданных смыслов в повседневность. Особенно показательна организованная вовлеченность молодежи через поисковую работу и участие в новых ритуалах, что обеспечивало преемственность сконструированной памяти.

Таким образом, десятилетие между 20-м и 30-м юбилеями Победы стало для Курганской области периодом формирования целостной мемориальной среды. Память о войне, пройдя путь от акта локального поминовения до элемента государственного культа, превратилась в мощный инструмент не только патриотического воспитания, но и социальной мобилизации, укрепления идейного единства общества и формирования коллективной идентичности, встроенной в общесоюзный контекст.

Список источников

- Авдеенко А. Л. 2025. Памятники Великой Отечественной войны на территории Курганской области (по материалам Курганского областного отделения ВООПИиК, 1966–1968 гг.) // Великая Отечественная война: уроки истории: материалы науч.-практ. конф. С. 4–6.
- Алексеев А. Н. 2017. Юбилейные даты российской истории в контексте проблемы формирования патриотизма // Наука. Общество. Оборона. № 4 (13). <https://cyberleninka.ru/article/n/yubileynye-daty-rossiyskoy-istorii-v-kontekste-problemy-formirovaniya-patriotizma/viewer> (дата обращения: 18.11.2025).
- Антипин Н. А. 2012. 50-летие Русско-японской войны в СССР: коммеморативные практики 1954–1955 гг. // Диалог со временем: альманах. Вып. 40. С. 79–93.
- Архипова А. 2017. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы // Антропологический форум. № 33. С. 84–122.
- Вейнмейстер А. В., Григорьева Ю. В. 2020. Традиции празднования Дня Победы // Война и мир в отечественной и мировой истории: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 27 марта 2020 г.): в 2 т. / Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. СПб. Т. 1. С. 93–106.
- Дмитриева О. О., Иванова Т. Н., Минеева Е. К. 2020. Исторические юбилеи как церемониальная коммеморативная практика (сравнительный анализ празднования 1000-летия российской государственности, 100-летия Отечественной войны 1812 года и 300-летия царствования дома Романовых в Российской империи) // Диалог со временем: альманах. Вып. 72. С. 280–291.
- Избушева А. М. 2015. Подготовка и проведение юбилея города в советской истории как способ сохранения и закрепления исторической и культурной памяти // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. № 3 (7). С. 24–35.
- Карпенко И. А. 2020. Первый День Победы в Ленинграде и эволюция праздника в послевоенные годы // Петербургский исторический журнал. № 3 (27). С. 240–254.

- Козельчук Т. В., Тершукова Е. В. 2012. Источниковедческое значение памятников в изучении Великой Отечественной войны (на примере мемориальных сооружений Курганской области) // Зыряновские чтения: материалы науч.-практ. конф. С. 106–107.
- Колчина Е. С. (авт.-сост.). 2018. Память народная: каталог мемориальных объектов и городской скульптуры города Шадринска XIX–XXI вв. / Отдел культуры Администрации г. Шадринска; фото: Е. С. Колчина, С. Ф. Ильяшенко. Шадринск: [б. и.]. 320 с.
- Лебина Н. Б. 1999. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Журнал «Нева»; Издательско-торговый дом «Летний сад». 320 с.
- Нора П. (сост. и общ. ред.). 1999. Франция — память / пер. с фр. под ред. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. 325 с.
- Поддивалов В. В. (отв. ред.). 2003. История культуры Южного Зауралья: в 3 т. Т. 2. Советский период. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та. 384 с.
- Хальбвакс М. 2005. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас: журнал. № 2 (40). <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 18.11.2025).
- Чернова О. В. 2005. Историческая память россиян о Великой Отечественной войне // Политическая наука. № 4. С. 133–149. <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=138> (дата обращения: 18.11.2025).
- Hobsbawm E. 2007. Mass-producing traditions: Europe, 1870–1914 // Representing the Nation: A Reader / ed. by D. Boswell, J. Evans. London; New York: Routledge. Pp. 263–307.

References

- Avdeenko, A. L. (2025). Monuments of the Great Patriotic War in Kurgan Oblast (Based on Materials from the Kurgan Branch of VOOPiK, 1966–1968). In *Proceedings of the Scientific-Practical Conference “The Great Patriotic War: Lessons of History”* (pp. 4–6). [In Russian]
- Alekseev, A. N. (2017). Anniversaries of the Russian history in the context of a patriotism formation problem. *Science. Society. Defense*, 4(13). Retrieved November 18, 2025 from <https://cyberleninka.ru/article/n/yubileynye-daty-rossiyskoy-istorii-v-kontekste-problemy-formirovaniya-patriotizma/viewer> [In Russian]
- Antipin, N. A. (2012). The 50th anniversary of the Russo-Japanese War in the USSR: Commemorative practices of 1954–1955. *Dialogue with Time: Almanac*, 40, 79–93. [In Russian]
- Arkhipova, A. (2017). War as celebration, celebration as war: Performative commemoration of Victory Day. *Anthropological Forum*, (33), 84–122. [In Russian]
- Weinmeister, A. V., & Grigoryeva, Yu. V. (2020). Traditions of celebrating Victory Day. In *Proceedings of the International Scientific Conference “War and Peace in National and World History” In 2 Vols.* (March 27, 2020, St. Petersburg) (vol. 1., pp. 93–106). St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. [In Russian]
- Dmitrieva, O. O., Ivanova, T. N., & Mineeva, E. K. (2020). Historical anniversaries as ceremonial commemorative practices (Comparative analysis of the celebrations of the 1000th anniversary of Russian Statehood, the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812, and the 300th anniversary of the Romanov Dynasty in Imperial Russia. *Dialogue with Time: Almanac*, 72, 280–291. [In Russian]

- Izbushcheva, A. M. (2015). Preparation and celebration of city anniversaries in Soviet history as a means of preserving and reinforcing historical and cultural memory. *Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences*, 3(7), 24–35. [In Russian]
- Karpenko, I. A. (2020). The first Victory Day in Leningrad and the evolution of the holiday in postwar years. *St. Petersburg Historical Journal*, 3(27), 240–254. [In Russian]
- Kozelchuk, T. V., & Tershukova, E. V. (2012). Source value of monuments in studying the Great Patriotic War (Case study: Memorial structures of Kurgan Oblast). In Proceedings of the Scientific-Practical Conference “Zyryanovskiye Readings” (pp. 106–107). [In Russian]
- Kolchina, E. S. (Author-Compiler). (2018). *People’s Memory: Catalogue of Memorial Objects and Urban Sculpture in the City of Shadrinsk, 19th–21st Centuries* (Photos by S. F. Ilyashenko). N.p. [In Russian]
- Lebina, N. B. (1999). *Everyday Life of the Soviet City: Norms and Anomalies, 1920s–1930s*. Journal “Neva”; Publishing House “Letniy Sad”. [In Russian]
- Nora, P. (Comp. & Gen. Ed.). (1999). *France — Memory* (Transl. from French & edited by D. Khapaeva). St. Petersburg University Press. [In Russian]
- Podlivalov, V. V. (Ed.). (2003). *History of Culture in Southern Zauralye: In 3 Vols. Vol. 2: The Soviet Period*. Kurgan State University Press. [In Russian]
- Halbwachs, M. (2005). Collective and historical memory. *Neprikosnovennyi Zapas = Reserve Stock: Journal*, 2(40). Retrieved November 18, 2025, from <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> [In Russian]
- Chernova, O. V. (2005). Historical memory of Russians regarding the Great Patriotic War. *Political Science*, (4), 133–149. Retrieved November 18, 2025, from <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=138> [In Russian]
- Hobsbawm, E. (2007). Mass-producing traditions: Europe, 1870–1914 In D. Boswell, J. Evans (eds.), *Representing the Nation: A Reader*. Pp. 263–307. Routledge.

Информация об авторе

Алексей Леонидович Авдеенко, заведующий сектором «Региональный центр Президентской библиотеки», Курганская областная универсальная научная библиотека им. А. К. Югова, Курган; ассистент кафедры «История и документоведение», Курганский государственный университет, Курган; аспирант, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
avdeenkoalexey@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5101-3938>

Information about the author

Aleksey L. Avdeenko, Head of the Regional Center of the Presidential Library Sector, Kurgan Regional Universal Scientific Library named after A. K. Yugov, Kurgan; Assistant, Department of History and Documentation, Kurgan State University, Kurgan; Postgraduate Student, University of Tyumen, Tyumen, Russia
avdeenkoalexey@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5101-3938>